

Владимир МАЛАХОВ:

Вех. Москва. — 1999 —
28 янв. — с. 11

Меня не знают только в Антарктиде

«Мне кажется, однажды Господь сказал сам себе:

«А не создать ли мне сегодня совершенного танцовщика?». И это был Владимир». Так отзывался директор штутгартского театра «Гросес Хауз» Рид Андерсон о Владимире Малахове — нашем бывшем соотечественнике, а ныне гражданине Австрии и мира, обладателе Гран-при на конкурсах в Варне, Москве и Париже. Помимо штутгартской труппы, он является ведущим солистом Венской оперы и Нью-Йоркского балета (ЭйБиТи), гастролируя при этом по всему миру: от Лондона до Токио.

— После училища вы попали в Кремлевский балет, который у нас традиционно уступает Большому. Там не сумели разглядеть будущую звезду?

— Конечно, я хотел в Большой. Но поскольку Большой относительно меня такого же сильного желания не испытывал, Касаткина тут же за меня схватилась. Я сразу стал ведущим солистом. Она на меня ставила балеты и отпускала на любые гастроли. А в Большом бы я застрял в кордебалете, а чтобы там выбиться на ведущие роли, нужно столько всего вынести! После училища Григорович меня не взял. Когда я получил золото в Варне, он сказал: «О-о, растем, ну что ж, будем думать». Когда я получил золо-

то на Всесоюзном конкурсе, он ничего не сказал. Когда я получил золото на Международном конкурсе в Москве, он сказал: «Сейчас самое время перейти в Большой». И я ответил: «Спасибо, Юрий Николаевич, поздно». Касаткина очень боялась, что я уйду в Большой, но я ее заверил, что для меня Большой — это ее компания.

— Она еще не знала, что самая страшная опасность — не Большой.

— Я сначала не эмигрировал, просто решил поработать на Западе. Там танцевал-танцевал и как-то под Новый год, 9 лет назад, подумал: а почему бы мне не остаться поработать. Я позвонил маме, и она сказала: «Делай, как лучше для тво-

ей карьеры». Я тогда жил в Лос-Анджелесе в одной семье, которая меня знала еще с наших первых гастролей в Америке. И там мне помогли с Грин-картой. Потом приехал сюда в Штуттгарт с маленьким чемоданчиком и какими-то подарками — меня пригласили танцевать «Спящую красавицу».

— К чему вам сложнее всего было здесь привыкнуть?

— Я не знал ни одного языка.

— А сейчас?

— Русский знаю (без всякой иронии. — О.Ф.). Чуть-чуть украинский. Английский, немного немецкий, японский, понимаю по-итальянски, ну и, конечно, французский.

— Вам приходилось танцевать модерн и в России. С тех пор как вы работаете на Западе, сильно ли изменилось ваше представление об этом направлении?

— В России мне удалось потанцевать только «Тему с вариациями» Баланчина. А такого модерна, как Форсайт, Бежар, Килиан, я не танцевал. Уже тогда вошло в силу эксклюзивное право, а советские компании не имели денег, чтобы оплачивать авторские права. И о модерне забыли.

— Вы перетанцевали столько балетов, что, наверное, представляете, как сложится балетный мейнстрим в XXI веке.

— Я думаю, сохранится и классика, и модерн. Сейчас осталось уже немного танцовщиков, способных по-настоящему танцевать классику. А все началось именно с нее. Что самое интересное, из классики уйти в модерн — никаких проблем, а из модерна вернуться в классику — большая проблема, это просто никому не удавалось. Потому что мышцы уже не так работают. Сегодня все гонятся за количеством, а не за качеством. А мне не обязательно во что бы то ни стало показать какой-нибудь трюк, сложный элемент, мне важно показать чистоту танца, которая уходит, забывается.

— Я слышала, вы решили попробовать себя в качестве хореографа?

— Я ставлю «Баядерку». Нормальные люди начинают с миниаюр на десять-пятнадцать минут, а я вот сразу трехчасовой балет. Конечно, там многое останется в первоизданном виде — Петипа, тени, оригинальные танцы. Но процентов тридцать будет нового. Я не хочу все менять кардинально, чтобы ничего нельзя было узнать. Если классический балет переделывает какой-нибудь Матс Эк (у которого Жизель из психушки, Аврора из «Спящей» — не хорошенькая девушка, а наркоманка), какая-нибудь Пина Бауш или другой гений — это иное дело. Я решил поставить этот балет именно в Венской опере, во-первых, потому что он там никогда не шел, а во-вторых, потому что Минкус — австрийский композитор. Я и музыку немного «отредактировал» — добавил из других балетов. Хотя в «Дон Кихоте» она все-таки немножко вульгарная.

— Часто бывает, что выдающийся танцовщик в хореографии достигает гораздо более скромных результатов. Не боитесь?

— Лучше попробовать, чем отказываться сразу. Лучше пусть поругают, чем сочтут трусом. А директор мне сказал, что для него неважно, будет ли это успех или провал. Он уже заказал мне следующий балет на 2001 год.

— А до какого года вы расписаны?

— До 2002-го. Как-то меня приглашали в Москву, но я сказал, что мой приезд нужно обговаривать заранее. Кто-то обиделся. Ходят слухи, что я уже закончился, не могу прыгать, как раньше. Конечно, обидно...

— Этот вопрос сейчас для вас не актуален, но вы наверняка задумывались над тем, сколько будете танцевать.

— Буду танцевать, пока танцует, но если почувствую, что стал, как тряпка, я уйду, чтобы надо мной не смеялись, не сравнивали с моим прошлым. В отличие от Майи Плисецкой или Алисии Алонсе, которые только балетом живут, я могу делать что-то другое. Преподавать, например, — я ведь ГИТИС окончил.

— А как вы относитесь к «щадящей» хореографии Иржи Килиана, который создал труппу для танцовщиков «от сорока до смерти, но ближе к сорока» и ставит для них с учетом того, что они много знают, но уже не все могут?

— Надо учитывать, что это не просто танцовщики, а люди, на которых ставили ведущие хореографы мира — Бежар, Ноймайер. И все было рассчитано именно на их индивидуальности.

— Если у вас случится травма во время спектакля, вы будете протягивать его до конца или предпочтете уйти и не усложнять себе будущее?

— Серьезных травм у меня не было, и я даже думать не хочу об этом. Бывали маленькие вывихи, растяжения. В Нью-Йорке у меня дважды заклинивало спину — и дважды в «Баядерке». Три недели назад у меня из-за пола мышца в ноге не туда зашла — я дико испугался, потому что впереди был целый спектакль. Но я был разогрет, и все обошлось, а если бы вышел холодный, неподготовленный — конец. Но вообще жертвы театру не нужны. Как-то я пошел танцевать с температурой — у меня было пять спектаклей за три дня. В итоге получил осложнение на сердце и попал в больницу на три недели, пропустил все намеченные спектакли. Нельзя себя постоянно загонять. Когда я уйду в отпуск — просто не шевелю ни одним пальцем. Стараюсь уехать куда-нибудь, где меня никто не знает.

— А в мире есть такое место?

— Разве что Антарктида. В этом году я поехал отдыхать на остров Ибица. Думаю — ну кто меня узнает? А там даже по радио объявили, что сейчас здесь отдыхает знаменитый танцовщик Малахов.

— Вас тяготит звездность?

— Я не чувствую себя звездой. В жизни человек не должен вести себя, как звезда, и принимать какие-то меры, чтобы оградиться от всех. На сцене ты можешь кричать, показывать характер, настаивать на своем. Но вне театра ты должен быть нормальным. Поэтому меня все и любят — они не понимают, как можно быть таким принцем на сцене, а потом запросто фотографироваться, обниматься, смеяться. Но для своих поклонников я всегда найду минутку. У меня есть три японки, которые меня знают уже больше десяти лет, — сейчас приехали сюда. Хотя вырваться в Японию с работы фактически невозможно — они ведь работают по 24 часа в сутки 8 дней в неделю.

Штутгарт-Москва

ер4